

Хочется всегда того, что труднее дается

Актриса театра «Et Cetera» Наталья Благих, заслуженная артистка РФ, похожа на загадочных красавиц Серебряного века.

Кажется, что она создана для ролей романтических героинь, но на самом деле ее актерские возможности практически безграничны.

Благих отличает поразительный дар перевоплощения, искрометная комедийность и умение с филигранной

точностью создавать героинь с разными

характерами в драматических

спектаклях и мюзиклах. Сыграв Уллу в мюзикле

«Продюсеры», актриса стала лауреатом

«Золотой маски» за лучшую женскую роль. В премьерном

спектакле театра «В зоне доступа»

Благих играет одну из главных героинь, заставляя задуматься о счастье и женской судьбе.

▲ Юра – И. Косичкин, Наташа – Н. Благих. «В зоне доступа»

ИГРАЕТ В СПЕКТАКЛЯХ:

- «БУРЯ»
- «В ЗОНЕ ДОСТУПА»
- «КОМЕДИЯ ОШИБОК»
- «НАДЕЖДА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ...»
- «РЕВИЗОР.ВЕРСИЯ»
- «СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ»
- «ТАЙНА ТЕТУШКИ МЭЛКИН»
- «УТИНАЯ ОХОТА»

Наталья
Благих

фото: О. Негулская

— **В**ы играете в спектакле «В зоне доступа» – недавней премьере театра «Et Cetera» Нужно ли ставить в театре современные пьесы? Ведь с помощью классики тоже можно говорить о том, что сейчас актуально.

– Для меня странен сам вопрос: театру нужны и классические пьесы, и современные – театру нуж-

Ариэль – Н. Блажих,
Просперо –
А. Калягин. «Буря»
Фото: О. Хаимов

ны хорошие пьесы. И Островский, и Чехов, и Горький когда-то были современными авторами. Не думаю, что Чехов знал, что его пьесы станут классикой, причем мировой. Всегда есть что-то важное, еще никем не сказанное и в современной музыке, и в литературе, и в драматургии. И, возможно, через десять лет мы уже сумеем назвать несколько имен, которых отберет время. Я много читаю авторов, которые пишут сегодня, и меня, признаться, корбит их однобокое отношение к действительности. Почему современная пьеса не может существовать

без мата? Это ведь только кажется, что сегодня все изысняются исключительно матерными словами.

Принято считать, что современная пьеса требует современной режиссуры. Мне кажется, что так называемый театральный язык последнего десятилетия XXI века – это профанация, мыльный пузырь. Когда режиссер говорит мне: «А вы можете ничего не играть?» – мне так и хочется спросить его: «А вы можете ничего не ставить?»

Давайте просто посмотрим друг

▲
Вера – Н. Благих.
«Утиная охота»
Фото: О. Хаимов

Она – Н. Благих.
«Ничего себе
местечко для
кормления собак»,
2012 г.
Фото: О. Хаимов
◀

на друга и разойдемся. Но, говоря эту фразу, режиссер имеет в виду одно: играйте хорошо. А как помочь артисту сделать роль так, чтобы его игра была абсолютно убедительной, режиссер не знает, и он идет коротким путем: давайте не будем играть ничего! Оставайтесь собой. А если персонаж совсем не я?

Театр – это игра. Игра может быть аскетичной, может быть фарсовой или философской, но это всегда игра. Театр стоит на профессиональной структуре: разбор, обстоятельства, характер,

задачи... Чем больше ты поставишь себе задач, тем больше поставишь себе вопросов, тем лучше получится роль.

– Почему ваша героиня предложила опасную игру – включить громкую связь в телефонах и читать вслух СМС?

– Моя героиня находится в кризисе – семейном, профессиональном, личном. В ее поступке я слышу отвратительный, но очень понятный импульс: раз мне плохо, пусть будет плохо и всем остальным. Она хочет разрушить этот с виду благополучный мирок, в котором такое нагроможде-

ние фальши, пустых фраз... Она жаждет услышать правду. А для этого надо разнести все в пух и прах. Она начинает эту игру, которую уже не остановить. И понимает, что ее личная ситуация не так плоха, не так безнадежна. Другие живут гораздо более сложно, ведь к финалу она понимает, что в ее жизни есть то, что следует беречь. Она любит своего мужа, а главное, знает, что есть, за что его любить. Ее опасная игра имела терапевтический эффект, хотя она применила запрещенный метод. За свой непрофессиональный поступок в Европе она бы потеряла лицензию,

Анна Андреевна –
Н. Благих. «Ревизор».
Фото: О. Хаимов

хотя в результате, я думаю, был достигнут оздоравливающий эффект для всех пар.

– Посмотрев спектакль, я задумалась: семья – это любовь или долг? Могут ли люди жить вместе, если не понимают друг друга?

– На этот вопрос я для себя давно нашла ответ. Я абсолютно уверена, что люди должны быть вместе, когда им лучше быть вместе, чем порознь. И, мне кажется, помимо долга перед семьей, перед детьми есть долг перед самим собой – не уничтожить, не разрушить себя. Я пережила два развода своей мамы. Последний развод был безумно

Аполлинурия Панфиловна – Н. Благих.
«Сердце не камень»
Фото: О. Хаимов

Я – человек ведомый по жизни, я не ведущая

тяжелым, у нее было трое детей. Мама стойчески пыталась сохранить брак, но, в каком аду они жили в последние годы, трудно представить. Поэтому я уехала к бабушке. Если людям невыносимо быть вместе, то нет оправданий продолжать

такую жизнь: ни дети, ни материальная зависимость не могут стать причинами, из-за которых имеет смысл обрекать себя на такое существование. Семья – это когда люди берегут друг друга, когда не способны сознательно причинить боль.

– Дочь вашей героини, школьница, уходит из дома в само-

инженером на станции, перекачивающей газ. Это был небольшой одноэтажный поселок, окруженный туркменскими мазанками. Там я ходила в детский садик, а потом окончила первый класс школы. Это было незабываемое чувство свободы. Можно было прогуляться с мамой до озера, крутые песчаные берега которого населяли ласточки. Озеро почти полностью пере-

*Наташа Благих с мамой,
1976 год, поселок Лебап.
Фото: из личного архива
Н. Благих*

стоятельную жизнь. А вы рано стали самостоятельной?

– Да. Из-за ситуации с разводом мамы я достаточно рано выпала из семьи и стала строить свою жизнь самостоятельно. Я рано создала свою семью: в 18 лет вышла замуж и уже старалась помогать и бабушке, и маме.

– Какие детские воспоминания до сих пор с вами?

– Самым счастливым временем было, когда мы жили в Туркмении, в поселке Лебап. Мама работала

сыхало в жаркие летние месяцы и наполнялось зимой. На берегу озера железной кружкой можно было поймать мальков. Или, несмотря на запрет мамы, уйти с друзьями в пустыню, ловить варанчиков или другую мелкую живность. Можно было пойти к туркменским тандырам и выпросить у приветливой хозяйки свежепеченную ароматную лепешку и бежать с ней к маме, по дороге, конечно, съев половину. Или повисеть на брусках в школьном спортзале, пока мама играет с друзьями в волейбол. А мама была

молодая и очень красивая. Это было время абсолютного счастья. Во сне мне часто видятся эти места. И после было много счастливого. Мой брат и моя сестра – большая радость и моего детства, и всей моей жизни. Может, несколько поэтично, но ведь это – детство.

– А сколько лет вам тогда было?

– Мне было три года, и мы прожили там шесть лет.

подростковый период и юность в Челябинске для меня существуют гораздо менее отчетливо, что-то вообще стерлось. Иногда встречаю людей, которые рассказывают факты моей биографии, но я не могу вспомнить их. Много было событий, и я эмоционально не справлялась, жила на каких-то других скоростях. Возраст – это скорость событий, которые с тобой происходят.

Куртизанка – Н. Благих.
«Комедия ошибок»
Фото: О. Хаимов

– Вы так рано себя помните?

– Вспышками я себя помню с двух-трех лет. Хорошо помню дом моего отца, лицо своей бабушки – его мамы. Туркмению я помню очень хорошо. Но, как ни странно,

– Вы очень рано вышли замуж. Но, как правило, ранние браки недолговечны?

– Мой брак распался не поэтому. Распадаются не только ранние браки. Мой муж окончил Институт культуры в Челябинске и поехал поступать в ГИТИС на режиссерский факультет. Я поехала с ним. Так я оказалась в Москве. Мой муж поступил в Мастерскую Марка Захарова, проучился два года и бросил. Ушел в бизнес, а я поступила на актерский и сутками проводила в институте. Я увлеклась профессией, мужа раздражало мое отсутствие. Это размыло наш брак.

– На курс Петра Фоменко всегда поступало гораздо больше абитуриентов, чем к другим мастерам. Как вам удалось пройти огромный конкурс и поступить?

– Я никогда не мечтала стать драматической актрисой. Любила петь, танцевать. Была артистичной, и если думала о театре, то о музыкальном. И когда я вместе с мужем приехала в Москву, то оказалась на Арбате. У первого прохожего спросила: а где здесь ближайший театральный институт. Мне подсказали: ГИТИС. И я пришла в ГИТИС, в тот год набирали актерские курсы Фоменко и Бородин. Студенты ГИТИСа мне сказали: «Бородин возглавляет детский театр, вряд ли он тебя возьмет. Лучше иди к Фоменко, ты его тип». К своему стыду, ничего не знала о Петре Наумовиче и, честно сказать, была совершенно не готова. Учила тексты в плацкартном вагоне, когда добиралась до Москвы. И почему Петр Наумович довел меня до конкурса, до сих пор не понимаю. Мне кажется, нас научили в мастерской Фоменко самому важно-

То, что я оказалась в театре «Et Cetera», – огромная удача. Я никогда не сыграла бы те роли, что получила в этом театре

му – привили вкус к живому театру, чутье на фальшь и дурновкусие. Нам скорее давали понять, как не надо. А еще нас воспитывали в удивительном уважении к нашей индивидуальности. Евгений Борисович Каменькович, наш педагог, говорил: вы – штучный товар, вы – избранные. А потом на показ приходил Петр

*Н. Благих в спектакле «Надежда, вера и любовь».
Фото: О. Хаимов*

Хлестаков – А. Калягин,
 Анна Андреевна –
 Н. Благих. «Ревизор»
 Фото: О. Хаимов

Света два –
 Н. Благих. «Подавлять
 и возбуждать», 2006 г
 Фото: О. Хаимов

▲
 Аглаоника – Н. Благих.
 «Орфей», 2011 г.
 Фото: О. Хаимов

Наумович и делал такой уничтожающий разбор, мог так отозваться о твоей работе, что всю жизнь будешь помнить, но уж если хвалил, то это дорогого стоило. После окончания мы еще год играли спектакли в качестве стажеров в «Мастерской Фоменко» – семь спектаклей очень хорошего, не студенческого уровня.

– Почему после стажировки вы пришли в театр «Et Cetera»?

– Ответ прост: после стажировки кого-то из нашего курса пригласи-

сили в театр, а кого-то отпустили. Я была в числе «отпущенных», и сначала было обидно и больно. Уже потом я поняла, насколько провидение мудро: любя тебя, оно устраивает твой путь. То, что я оказалась в Театре Калягина, – огромная удача. Я никогда не сыграла бы те роли, что получила в театре «Et Cetera». За мной жестко было закреплено амплуа – лирическая героиня, а оказалось, что я характерная актриса. Прекрасно себя чувствую в острой форме, у меня тяга к «клоуновскому ходу», фантастическому рисунку.

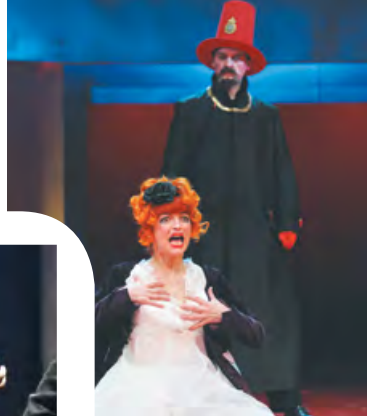
Городничий –
В. Скворцов, Анна
Андреевна –
Анна Андреевна –
Н. Благих. «Ревизор»
«Ревизор»
Фото: О. Хаимов

*Всегда есть что-то важное, еще никем не сказанное
в современной литературе и драматургии. Возможно,
через десять лет мы сумеем назвать несколько имен,
которые отберет время*

Аполлинария Панфиловна – Н. Благих.
«Сердце не камень»
Фото: О. Хаимов

Вера – Н. Благих (справа).
«Утиная охота»
Фото: О. Хаимов

Куртизанка –
Н. Благих.
«Комедия ошибок»
Фото: О. Хаимов

Ариэль – Н. Благих. «Буря»
Фото: О. Хаимов

Хотя общение с Петром Наумовичем я сохранила до самой его смерти. Он был ревнивым человеком и в наших ночных беседах, часто шутя, меня укорял: у вас теперь другие кумиры, вы не вспоминаете обо мне. Он уверял меня: «Если бы Саша вас не взял, то, конечно, вы были бы у меня в театре». Никогда было невозможно понять, когда он был серьезен.

– В театре «Et Cetera» у вас огромный актерский диапазон: от Ариэля в «Буре», больше похожего на мальчишку, до женственной Уллы в мюзикле «Продюсеры» или яркой, чувственной Куртизанки в «Комедии ошибок».

– А вы забыли Аглаонику из спектакля «Орфей» по Ж. Кокто. Я получаю огромное удовольствие,

когда зрители не понимают, что Анну Андреевну и Ариэля играет одна и та же актриса. Это же потрясающе, что сегодня ты играешь Уллу в «Продюсерах» – героиню, которая даже не женщина, а материализованная мечта мужчины об идеальной женщине (блондинка, недалекого ума, длинные ноги, на все готова, мало говорит), а завтра у тебя «Орфей», в котором ты играешь Аглаонику, совершенно противоположный образ: воинствующая мужененавистница, выглядящая как скинхед. Думаю, что если я, не дай бог, заболела, то на мои роли придется вводить разных актрис.

– Вы сегодня ведущая актриса театра. Это приятно осознавать?

Лео Блум – Е. Дружинин,
Улла – Н. Благих.
«Продюсеры», 2009 г.
Фото: О. Хаимов

– Я понимаю это, поскольку не могу уехать надолго, почти через день играю спектакли. Но это может измениться, завтра придут режиссеры, которые не будут во мне нуждаться.

– Быть ведущей, знать, что на тебе держится репертуар, – это, наверное, почетно, престижно. Но из-за этого вы не снимаетесь в кино. Разве это не обидно?

– Это не совсем так. Да, были предложения, когда я сама отказывалась от съемок из-за театра. Но чаще всего причина не в театре, просто мне не встретился режиссер, которому бы я была по-настоящему интересна.

Я – человек ведомый по жизни, я не ведущая. Я – трудоголик, преданный делу, иду за человеком, за лич-

▲
Нерисса –
Н. Благих,
Порция –
А. Кормилицына.
«Шейлок»,
2000 г.
Фото: О. Хаимов

▲
Фернан де Буа-Д'Эньен –
В. Скворцов, Люсьетт Готье –
Н. Благих. «Люсьетт Готье, или
Стреляй сразу!», 2003 г.
Фото: З. Мцхветаридзе

Аня – Е. Егорова, Наташа – Н. Благих. «В зоне доступа»
Фото: О. Хаимов

Аполлинурия Панфиловна – Н. Благих, Вера Филипповна – А. Артамонова.
«Сердце не камень»
Фото: О. Хаимов

Дочь – М. Скосырева, Мать – Н. Благих.
«Игра снов», 2002 г.
Фото: З. Мцхветаридзе

ностью. Тогда я верю в свои силы, знаю, что у меня получится. Мне нужен, условно говоря, вождь. Если бы в кино нашелся такой человек, я бы самозабвенно пошла за ним. В театре это прежде всего Калягин, Стуруа. Я часто повторяю: сейчас я уже не ученица Фоменко, а ученица Калягина и Стуруа. Александр Александрович Калягин – партнер по сцене, он и педагог, и это счастье. Ни одна моя

роль в этом театре не была сделана без его совета. Небытовое существование было мне привито еще Фоменко, а потом появился Стуруа. Он так умеет возбудить актерскую фантазию, разбудить желание все время что-то придумывать... И так хочется его удивить, порадовать себя и его. Он удивительно верит артисту, так бережно относиться, что ты сам не понимаешь, как много ты начинаешь уметь с ним. В мире его театра не может

быть ничего обычного, это другой способ мышления, все мотивации неожиданны. В его мире все должно быть удивительно фантастично. Вроде так не бывает, а его спектакли утверждают, что бывает, и ты веришь в это. Как у Шагала, люди по облакам ходят...

Фоменко – поэт и хулиган, Стурра – сказочник. Сказки могут быть разные: жуткие, легкие, пронзительные, пугающие, но это сказки. Когда мы занимались разбором «Бури», я бежала на

репетиции так, как будто мы вместе читали увлекательный детектив и никто, включая самого Роберта, не знал, каким же окажется финал. А еще было наслаждением наблюдать, как два больших мастера – режиссер и артист Стурра и Калягин – создают спектакль. Именно на репетициях Роберта Робертовича я пережила самые яркие моменты актерского счастья. Это и больно, потому что они могут не

Улла – Н. Благих.
«Продюсеры», 2009 г.

повториться, и прекрасно, потому что они были.

– В «Продюсерах» вы замечательно пели и двигались как профессиональная танцовщица. Нет желания попробовать себя в каком-нибудь другом мюзикле?

У меня было желание, оно есть до сих пор, и мне предлагали, но занятость в театре не позволила. Мюзикл – это дело кропотливое, требующее много сил и времени. У меня нет музыкального образования, я даже ноты не могу читать, но мне это не мешало выполнять сложные задачи. Мне кажется, что в музыкальном жанре я достигла бы больших карьерных успехов, но ведь хочется всегда того, что труднее дается.

– Вы довольны своей творческой судьбой? Есть ощущение реализованности или вам кажется, что вы смогли бы сделать больше?

– Я не видела артистов, которые считают себя реализованными. Могу сказать, что довольна доверием, которое мне оказывают в театре, тем, что играю разные роли, что не привязана к амплу. К тому же Александр Александрович приглашает потрясающих режиссеров. В каком еще театре можно попасть в работу к Морфову, Дитятковскому, Стуруа, Галину, Панкову? Как можно чувствовать себя обделенной, работая с такими режиссерами? Но думаю, что главного я еще не сделала.

– Есть мечты о какой-то роли?

– Если бы была мечта, я пришла бы в театр с пьесой. Есть «клавиши»,

которые еще не звучали, и я ищу этот материал.

– Чему вас научили ваши роли?

– Я всегда была уязвимой, инфантильной, такой трепетной душой. В определенный момент ко мне стали приходиться роли, которые требовали силы, самости, воли. Когда репетировали «Подавлять и возбуждать», я поняла, что играю тот тип, который ненавижу – жесткую, категоричную женщину. Но надо было поверить, что я имею право говорить таким тоном. Этому я научилась и теперь (смеется) могу использовать это и в жизни. А еще я поняла, что комедию нельзя играть в плохом настроении, без куража комедию не сыграешь. Научаешься так себя взрывать, так развеселить, чтобы самой получить удовольствие и зрителю его доставить. А что еще нужно артисту?!

Татьяна Алексеева

*Наталья Благих и Роберт Стуруа на репетиции спектакля «Буря»
Фото: О. Хаимов*

▲ Наталья Благих, Роберт Стуруа, Александр Калягин на репетициях спектакля «Ничего себе местечко для кормления собак» во время гастролей театра «Et Cetera» в Тбилиси, 2012 г.

Фото: О. Хаимо

блиц

Какую профессию вы бы выбрали, если не стали бы актрисой?

– Если бы не стала актрисой, то стала бы адвокатом. Я и работала в суде, и училась на юрфаке. Думаю, что могла бы заниматься чем-нибудь другим. Единственное, мне было бы трудно работать от звонка до звонка.

– Любимая певица?

– Эдит Пиаф, Каллас, которую надо не только слушать, но и видеть. В ее игре существует особенная магия. Еще люблю Земфиру. Были ситуации, когда ее музыка спасала меня от депрессии.

▲ Нерисса – Н. Благих.
«Шейлок»
Фото: О. Хаимов

Н. Благих
в спектакле
«Надежда, вера
и любовь»
Фото: О. Хаимов

